

Диалогия
в одном
тome

СЕРГЕЙ МУСАНЦЕВ

Гвардия

Москва, 2011

СЕРГЕЙ МУСАНЦЕВ

Диалогия
в одном
томе

- Гвардия •
- Хроника Третьего Кризиса •

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
М11

Серия основана в 2005 году
Выпуск 65

Художник
М. Поповский

Мусаниф С. С.
М11 Гвардия: Гвардия; Хроника Третьего Кризиса / Послел.
К. Савельева. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2011. —
799 с.: ил.

ISBN 978-5-9922-0275-5

Гвардия — самая засекреченная и самая высокотехнологичная спецслужба изученного сектора космоса, последняя линия обороны человечества. Галактические террористы, всемогущие мафиозные кланы, опасные артефакты, оставленные предтечами, — вот самый малый список проблем, которыми она занимается.

Она вступает в игру, когда все варианты использованы и другого выхода нет. Она способна действовать там, где другие бессильно опускают руки. Она помогла Лиге Цивилизованных Планет разрешить не один кризис. И вот теперь кризис возник внутри ее самой.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

ISBN 978-5-9922-0275-5

© Мусаниф С. С., 2009
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2009

• Гвардия •

Yudin-2006.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемые пользователи!

В основу этой книги легли события, описанные в недавно найденном электронном документе, пролежавшем почти восемьсот лет в одном из частных архивов. Это не просто ценнейшая информация, не просто раритетная рукопись, повествующая о событиях давно минувших дней, не литературный памятник истории.

Нет.

Это повествование о людях, которые честно делали свою тяжелую и смертельно опасную работу. О людях, которые выполняли свой долг, не побоюсь громкой фразы, перед всем человечеством. Они твердо знали, где находится правильная дорога, и не боялись идти по ней.

Внимательно отнеситесь ко всему, о чем здесь идет речь. Вам небесполезно будет познакомиться с героями этой истории, их жизнью и удивительными приключениями, понять их идеалы и цели.

И также небесполезно будет познакомиться с отрицательными персонажами. Не с теми явными злодеями, террористами и убийцами, которых в этой книге много и которые и в ней, и в реальной жизни действуют открыто и грубо, а с теми, которые, прикрываясь высокими и вполне благовидными целями, творят настоящее зло в своих дорогих кабинетах и роскошных апартаментах.

Я думаю, вы поймете, кого я имею в виду.

Так прочтите этот документ и сделайте правильные выводы о природе истинного добра и зла.

Иного на данном этапе от вас не может просить даже Император.

*С уважением — граф Гройссман-Трубецкой,
личный архивариус Его Императорского Величества*

Пролог

ВИРТУАЛЬНЫЕ МИКРОБЫ

Место действия: Даун

*Время действия: примерно три года
до описываемых событий*

Рембрандт прославился как великий художник благодаря своим картинам.

Исаак Ньютон снискал определенную известность в научной среде благодаря полудночным наблюдениям за созревающими в садах яблоками.

Анжела Лисовски снималась в психодраме. Джад Келсо обладал неплохим спуртом. А молодой человек по имени Темучин, выросший в бескрайних монгольских степях, вошел в историю благодаря неудержимому желанию взглянуть на все чудеса света своими собственными глазами, что позволило ему позже стать основателем великой Монгольской империи, великим Чингисханом.

Если ряд приведенных выше исторических эвфемизмов принять за систему отсчета, то со всей ответственностью можно утверждать, что Ти Джей Микроб Тейлор был хакером.

Сам Микроб себя хакером не считал. Он называл себя некоронованным королем виртуального саботажа, невидимым диверсантом и лучшим специалистом по лому компьютерных сетей. Если бы вы его спросили, кого он считает лучшим хакером Лиги, первым он непременно назвал бы Володю Машковского, живого бога ломового мастерства, на спор взломавшего подключенный к Сети суперкомпьютер ВКС и оставившего там свой автограф. Ну, а на второе место, без неуместной в его среде ложной скромности, поставил бы себя.

Справедливости ради следует отметить, что именно такой рейтинг — с Володей Машковским на первой строчке и собой, любимым, на второй,— составили бы девяносто пять процентов из числа опрошенных хакеров. За исключением, пожалуй, людей самокритичных и в какой-то мере честных, которых в ковбойской среде так мало, что уже пора заносить их в Красную книгу человечества как исчезающий вид.

Но Микроб на самом деле имел основания претендовать на одно из лидирующих мест в общей квалификации.

Сейчас он работал.

Паршивая и отсталая планетка, подумал Микроб, и то верно, что хорошее место Дауном не назовут. Местное киберпространство, сотканное умелыми мастерами корпорации Кубаяши из нескольких миллионов персональных машин и сотни глобальных вычислительных систем, отличалось своей крайней примитивностью. Хотя лично Микроб использовал бы вместо слова «примитивность» другое: убогость. Киберпространство Дауна, которое он сейчас лениво рассекал, было убогим.

Информационные магистрали, прямые, как улицы деловой части города, построенного высокооплачиваемыми, но абсолютно лишенными воображения архитекторами, пересекались только под прямым углом. Это удобно в использовании, но совершенно неприемлемо для эстетического восприятия настоящего киберковбоя. Огоньков киберпространственных псевдоподий пользователей было здесь на порядок меньше, чем на любой более продвинутой планете Лиги.

Впрочем, эти факты легко объясняются основным планетарным профилем.

Это была сельскохозяйственная планета. А сельскохозяйственные планеты отличаются невысокой плотностью населения, ибо огромные территории на них занимают посевные площади и всяческие перерабатывающие заводы, склады и бог знает что еще. Микроб плохо разбирался в сельском хозяйстве и не слишком любил фермеров.

Во все времена фермеры являлись самой консервативной частью населения и с трудом приспособлялись к уровню

современных технологий. Конечно, сейчас они уже не вспахивают землю при помощи лошадей, и даже мало кто помнит о существовании и предназначении этих животных. Они не пользуются допотопными дизельными тракторами, отдавая предпочтение их атомному аналогу, и уже лет пятьдесят, как не брезгают направленными силовыми бомбардировками с орбиты. Но все же подавляющее большинство этих людей не доверяет компьютерам даже ведение финансовых отчетов, не говоря уже о дистанционном управлении тяжелой сельскохозяйственной техникой, утверждая, что думающая машина противоестественна, а выращивание даров природы является исконной человеческой прерогативой. А добровольный отказ пользователей не идет на благо инфосфере.

Крупные корпорации на Дауне не действуют. Их интерес к сельскому хозяйству минимален и является чисто потребительским. Некоторое разнообразие в царящую на планете виртуальную серость вносит построенная пятьдесят лет назад база Военно-Космических Сил — ВКС, но это и все.

Естественно, что бедное на информацию, а следовательно, и на охотников за ней киберпространство лишено всяческих выкрутасов, призванных сделать жизнь вышеупомянутых охотников невыносимой. Здесь нет огромных и величественных, словно айсберги, глыб прозрачного «льда», используемых корпорациями для защиты своих коммерческих и технологических секретов. Эти айсберги завораживают взор ковбоя и засасывают его мозг в бездонные информационные глубины, удерживая его тело в состоянии полного паралича столько времени, сколько потребуется наземным бригадам поддержки из «медленного мира» для того, чтобы запеленговать «железо», с которого ведется лом, и добраться до его обладателя. Здесь нет армейских нейронных систем обратной связи, просто и без всяких вывихов выжигающих ковбою серое вещество, оставляя после себя только голый череп с выкипевшим содержимым и пустыми глазницами да едкий запах горелой человеческой плоти. Здесь нет гигантских информационных водоворотов, захватывающих киберкопии ковбоев и закручивающих их в своих воронках, а потом выбрасывающих прямо в руки виртуальных служб безо-

пасности. Здесь нет «дробилок», «мясорубок» и «примусов», нет даже «лимонов» и «кракенов», нет даже примитивных «паучьих сетей».

Иными словами, здесь нет всего того, что придает жизни настоящего хакера¹ пикантную остроту, связанную с непосредственной опасностью для жизни. Ту самую остроту, ради которой ковбои снова и снова идут на дело, несмотря на количество заработанных денег и клятвенных заверений в том, что последний раз был действительно последним. Ту остроту, что заставляет пальцы стремительно летать над клавиатурой, сливаясь в неясное пятно. Ту остроту, от которой замирает сердце, которая заставляет потовые железы работать в убийственном темпе и выбрасывает в кровь ковбоя бешеные порции адреналина. Ту остроту, которая привлекает хакеров сильнее всех известных наркотиков. Ту остроту, которой здесь и не пахло, а потому лом был обычной рутинной, и Микроб откровенно скучал.

Он двигался по общедоступной магистрали с максимально допустимыми правилами пользования скоростью и косил под обычного «чайника», благо таких подавляющее большинство в инфосфере любой планеты, кроме, пожалуй, Сократа-54. Он не тормозил, но и не нагнул, сворачивал и разогнулся только там, где это разрешалось, и неуклонно продвигался к своей сегодняшней цели, оставляя справа минные поля государственных учреждений, а слева — многочисленные небоскребы коммерческих структур.

Обеспечивающий полное погружение в инфосферу шлем — последняя модель Тайрелла, доведенная до ума уже самим Микробом после покупки, — оказался маловат и слегка давил на голову. Пальцы летали над декой, а спина сначала мягко и ненавязчиво, а потом все более настойчиво начала посылать сигналы, что выбранный ее обладателем жесткий офисный стул с маленькой спинкой не предназначен для длительного сидения. Однако погруженное в сладостные

¹ По мнению самих ковбоев, настоящим хакером может считаться только тот хакер, который занимается ломом ради самого лома, а не ради денег, которые он приносит.

воспоминания сознание Микроба начисто игнорировало подобные мелочи.

С легкой грустью и тяжелой ностальгией он вспоминал самую громкую свою акцию, которая была проведена более двадцати лет назад и с тех пор успела превратиться в настоящую легенду для ковбойской братии. Как и положено легенде, с каждым ее пересказом в виртуальных питейных заведениях со странными названиями типа «Ломовой бугор» или «Зависший слон», где обычно пересекался хакерский люд, она обростала тысячами новых невероятных подробностей, а число участников самой операции увеличивалось в геометрической прогрессии.

Если верить всем рассказчикам, то каждый третий из ныне функционирующих хакеров был непосредственным участником группы поддержки, а каждый второй находился в инфосфере планеты Сакура-4 в тот момент, когда производился лом, отслеживая его в режиме реального времени. Справедливости ради следует отметить, что никто и никогда не пытался даже заикнуться о том, что он был *непосредственным исполнителем*, и отнюдь не из-за недостатка врожденной ковбойской наглости. Просто подобные заявления во все времена были чреваты неприятными последствиями, наподобие сломанных рук, опустошенных банковских счетов и перерезанных глоток.

Выслушивая эти истории, Микроб всегда посмеивался, но никогда не делал попыток рассказать свою версию случившегося, несмотря на то, что на самом деле только его рассказ мог претендовать на достоверность. Во-первых, ему никто бы не поверил, как никто не верил тем трем сотням парней, которые пересказывали эту байку в том же заведении бесчисленное число раз до него, а во-вторых... Здоровье дороже преходящей славы.

Микроб был единственным уцелевшим в результате той операции, скорее исключением, чем правилом, и этим исключением хотел и остаться. Никогда же не знаешь, кто вон тот новый парень рядом со стойкой, тихо разговаривающий с барменом, и не явился ли он сюда по твою душу. Слава славой, а язык надо держать за зубами.

Сакура-4 являлась собственностью корпорации Кубаяши и была отведена под производственные площади и размещение низшего бюрократического сословия, сотрудников или слишком молодых, или слишком старых, или слишком глупых, чтобы в ближайшее время совершить восхождение по скользкой и крутой лестнице дзайбацу. В противовес тем легионам участников, о которых ходили сказки, в реальной операции были задействованы лишь шестеро ковбоев. Двое бессистемно мотались по местной инфосфере, повсюду сея за собой сумятицу и хаос, двое совершали громкие и бесполезные попытки прямого бура, служившие дополнительной акцией прикрытия, и еще двое занимались самим ломом. В числе последних был и Микроб.

Да, можно сказать, что их было шестеро, если не принимать в расчет двухэтажный рейсовый аэробус, под потолок начиненный взрывчаткой, и два армейских грузовика, битком набитые командос, в чью задачу входило занять один из наземных терминалов Кубаяши и удерживать соединение на всем протяжении операции, обеспечивая хакерам доступ в локальное пространство корпорации. Операция заняла два с половиной часа реального времени, и все эти два часа командос приходилось отбивать атаки киборгов, составляющих костяк охранной службы дзайбацу, и небольших наемных армий, получающих в той же дзайбацу свое жалованье.

Был еще человек с детонатором, который по окончании операции взорвал аэробус в центре города, разнеся на миллиарды мелких частиц и сам терминал, и еще пару кварталов Сити заодно. К счастью, в виду окончания рабочего дня в этом секторе планеты, кварталы были, по большей части, безлюдны, но даже если бы они были полны спешащих по своим делам бизнесменов, это взрыву не помешало бы. В этом Микроб был глубоко убежден. Сам он не видел человека с детонатором, как не видел и остальных своих коллег, как до начала акции, так и после нее, но прекрасно представлял инструкции, на основании которых он действовал.

Что заказчики акции получили в итоге? Полный крах местной экономики, в результате которого исследования

Кубаяши в области биогенетики были отброшены на несколько десятилетий назад, приостановлены, а потом и полностью заморожены. Это и являлось конечной целью диверсии для тех, кто платил за нее баснословные деньги.

Для непосредственных исполнителей все обернулось не так хорошо.

Из группы командос, подвалившей на двух грузовиках, в живых осталось лишь четверо.

Двум ковбоям выжгло мозг. Один остался дебилом на всю жизнь из-за необратимых повреждений тканей головного мозга, еще один отделался полным нарушением координации движений, настолько серьезным, что до конца дней своих остался прикованным к стальному киберкаркасу, заменившему ему тело.

Микроб и его наиболее удачливый коллега, скончавшийся через полгода после получения гонорара по неустановленным причинам и при весьма загадочных обстоятельствах, отхватили приличный куш. А мелочи, случившиеся с их коллегами, в те времена их особо не трогали.

По большому счету, они никого не трогают и сейчас. Профессиональный риск. Ковбои всегда были расходным и легко восполнимым материалом. Безработных хакеров полно, а мертвых — еще больше.

Личности самих заказчиков Микроба никогда не интересовали. Отношения с нанимателями — это единственное место, где безудержное любопытство, как неотъемлемая часть существования любого ковбоя, уступает место инстинкту самосохранения. Ибо всем известно, что руки у якудзы длинные, ножи острые, а разговоры весьма и весьма коротки.

Визуальный контакт с целью вырвал Микроба из сладостного мира прошлого и бросил в настоящее, всегда более сложное и жестокое.

Для выполнения сегодняшнего заказа надо было поработать... Чуть-чуть. Сушная ерунда, еще лет десять назад Микроб даже не опустил бы до того, чтобы выслушать предложившего контракт посредника. Но сейчас, когда системы безопасности, монтируемые ушедшими на покой ковбоями,

слишком старыми для настоящей работы, но весьма опытными в теоретической ее части, знающими все входы и выходы, становились все круче и круче, и хакнуть что-нибудь по-настоящему ценное стало чрезвычайно сложно.

Влезть в аппарат местного избирательного комитета и подтасовать данные последних парламентских выборов в пользу оппозиции — что может быть проще? И что может быть скучнее? А за это оппозиция, уже перестав быть таковой, сделает его почетным гражданином планеты, на что Микробу было совершенно начхать, и, что более приятно, отвалит ему неплохие по местным стандартам деньги.

Микроб вздохнул, произвел короткий осмотр местности на предмет наличия нежелательных свидетелей, и, не обнаружив оных, скинул личину мающего от безделья школьника на свой обычный строгий и уверенный вид. Он втиснулся в предназначенную для официальных запросов щель и снова осмотрелся. Серость, подумал он, серость и убогость, ну до чего же здесь шаблонно и примитивно. Даже примитивно шаблонно. Действуя по плану, он разделил свою киберкопию на две части. Пустышку отправил туда, куда следует отправляться официальным и пришедшим в установленном порядке запросам, а сам перешел в режим невидимки и на пробу толкнул первую попавшуюся дверь.

Она была не заперта, скорее просто прикрыта. Запирающий ее пароль был настолько простым, что едва ли мог составить проблему для скучающего сотрудника из смежного отдела, решившего порезвиться на чужом поле. Хакеры называли такие пароли «средством от честных людей» и никогда не хвастались тем, как ловко с ними разделались, поскольку подобная «защита» не способна остановить даже имеющего всего двухнедельный стаж ковбоя, и хвастаться тут просто нечем. Он прошел сквозь дверь, как силовой резак через обшивку спасательной шлюпки с потерпевшего крушение корабля...

Оставив в покое метафоры, он миновал еще две закрытые такими же незамысловатыми паролями двери и направился в вотчину счетной комиссии. Ее деятельность была в самом разгаре, данные информационными ручьями поступали со

всей планеты, рассортировывались по фамилиям избранных и их принадлежности к одной из трех политических партий.

Для пробы Микроб изъясил из потока пачку еще не учтенных бюллетеней. Хотел посмотреть, какая последует реакция. Никакой, как он и ожидал. Прекрасно. Теперь за работу.

Следующая изъятая пачка была повесомее, он подменил ее заранее подготовленными экземплярами из мобильного банка данных, висящего за его виртуальной спиной. Потом вторую. Еще и еще. Он и раньше знал, что все будет просто, но не подозревал, что до такой степени.

Опля! Как только начинаешь думать, что все идет слишком гладко, судьба — или, что бывает еще чаще и неприятнее, полиция — сразу же преподносит неприятный сюрприз. В нижнем левом углу его поля зрения замигал зеленый огонек. Это был сигнал, что Микроб замечен посторонними наблюдателями — скорей всего, охранными системами — и классифицирован как враждебный и осуществляющий незаконное вторжение объект.

Слишком быстро для местных систем слежения. По расчетам Микроба, у него в запасе было еще около получаса. Но все же ничего смертельного. На планете нет защитных систем с обратной связью, это он проверял в первую очередь, а работал он через три передаточных «железа» и основательно запутал свой след в Сети.

Так что при «быстродействии» местных правоохранительных систем для его локализации в «медленном мире» потребуется не меньше сорока минут. И еще примерно столько же, если не больше, понадобится группе захвата для того, чтобы добраться до него самого в «реале». Микроб предельно усложнил их задачу, выбрав в качестве временной базы квартиру в гетто, вдали от основных транспортных артерий города. Дороги по лабиринтам местных улочек порой бывают такими долгими...

Причин для беспокойства нет. Он успеет закончить работу и смыться еще до того, как кто-то сумеет вычислить его наземные координаты. И никто никогда не сможет оспорить

результаты выборов по факту фальшивых бюллетеней, потому что бюллетени были настоящими. Только заполняли их совсем не избиратели. Так что либо выборы будут признаны легитимными, либо их придется вообще оспаривать и проводить новые. При дефиците местного бюджета на такой шаг правительство не решится.

Размышляя подобным образом, он схватил еще одну пачку бюллетеней. Но тут зеленый огонек виртуального интерфейса замигал и сменился красным.

Его локализовали, и локализовали чертовски быстро. А это подразумевало подвох. Похоже, что во главе охраны местной системы сидит очень опытный хакер. Возможно даже, из его бывших знакомых или ветеранов, с кем он когда-то имел дело. И этот знакомый контролирует его захват.

Захват? Черта с два.

На миг нахлынула волна паники, грозя поглотить его разум и затопить мозг отчаянием, но он сумел с ней справиться. Об окончании работы уже и думать не приходилось. Нужно было уходить, и уходить быстро.

Некоторая фора у него все-таки есть. Обычное пространство, пригодное для жизни большинства псевдоразумных существ, не зря прозвано ковбоями «медленным миром». Пока группа захвата будет тащиться по его адресу на своих флаерах, скиммерах или вездеходах по улицам, он прочтется по Сети со скоростью цунами и сто раз успеет смыться из взятой внаем квартиры, оставив охотником только прокатное, хотя и ценное оборудование.

Он начал сматываться.

Выйти из сектора счетной комиссии, потом из структуры избиркома, ветром пересечь Сити, из магистрали в поток, со всей возможной скоростью, на которую только способно его «железо», и наплевать на ограничения, пусть другие тормозят и сворачивают, а дальше...

Когда влажными от пота и трясущимися от нервного напряжения пальцами он стаскивал с раскрасневшегося лица визор и утирал лоб заранее приготовленным полотенцем, иронически поздравляя себя с первой за всю профессиона-

льную карьеру проваленной акцией, на его плечо опустилась тяжелая рука Закона.

Место действия: Штаб-квартира Гвардии

Точное местонахождение неизвестно

*Время действия: примерно полгода
после описываемых событий*

— Ну и как тебе?

— Честно? Неглубоко. Очень неглубоко и несколько... я бы даже сказал, *излишне* претенциозно. «Тяжелая рука Закона»! «Мохнатая лапа правосудия» — и то звучало бы не так помпезно. И к тому же недостоверно. На самом деле не существует никаких доказательств, и не только доказательств, но даже самых непроверенных данных из самых недостоверных источников, что Микроб Тейлор участвовал в операции на Сакуре-4. Нельзя исказить факты в угоду публике лишь для того, чтобы сделать газету более продаваемой...

— Очень даже можно. И не исказить, а приукрасить, это, между прочим, не противоречит основным принципам журналистики. Что такое захват одного хакера? Рядовое событие. А публике неинтересны рядовые события, ей нужны сенсации, что-нибудь экстраординарное, из ряда вон выходящее, романтическое...

— «Бесстрашные хакеры бороздят просторы информационного космоса». Ты когда-нибудь видела ковбоя за работой? Видела, какие движения он совершает? Слышала, какие звуки издает? Ощущала, какие запахи испускает? Ничего романтического в этом точно нет.

— ...так что, по-моему, получилось очень даже неплохо.

— А по-моему, *излишне* претенциозно.

— Да что ты взъелся со своей претенциозностью?

— Она, между прочим, не моя, а твоя. Красивое и умное слово, к тому же хорошо подходит для литературной критики.

— Имбецил.

— Сама дура.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Соболевский допускает промах и совершает экскурс в прошлое

Место действия: Термитник-46

Время действия: первый день кризиса

В тот день, когда закрутилась эта история, мы — сержант Соболевский и рядовой Шо Такаги — пытались взять Аль-Махруда.

Честно говоря, Термитник-46 — планета препоганенькая, впрочем, как и большинство миров Лиги, держащихся на плаву исключительно благодаря добыче редкоземельных тяжелых металлов. Например, тетрона-6Ф, который после соответствующей обработки идет на изготовление внешней обшивки прыжковых космических кораблей и материнских плат очередного сверхнового поколения компьютеров корпорации Тайрелла.

Поверхности планет такого типа абсолютно не пригодны для жизни из-за зашкаливающие высокие температур и постоянных потоков радиации трех различных видов, то бишь основного условия для зарождения в почве (если у кого-нибудь повернется язык назвать почвой эту обугленную и рассыпающуюся под ногами субстанцию) тех самых редкоземельных металлов, из-за которых планета вообще была колонизирована.

Исходя из вышеперечисленного, города здесь строятся под землей. В качестве экрана между жилыми секторами и царящим на поверхности адом строители оставляют десять—двенадцать геологических слоев.

Стандартный шахтерский город состоит из нескольких уровней. Населяет его стандартный рабочий люд, живущий в стандартных спальных районах, работающий на стандартных добывающих шахтах и перерабатывающих заводах, поглощающий стандартную еду, носящий стандартную одежду, получающий стандартную зарплату и спускающий часть ее в стандартных кварталах красных фонарей, где за стандартную цену можно найти набор как стандартных, так и самых

извращенных удовольствий. До тех пор, пока будут существовать люди, зарабатывающие деньги тяжелым и праведным трудом, рядом с ними всегда будут обретаться личности, стремящиеся получить те же деньги, не прилагая со своей стороны больших усилий.

Хотя я и старше по званию, операцией руководил Шо. Это был один из его постоянных рабочих секторов, ему и карты в руки. В Гвардии частенько плюют на субординацию, лишь бы плевки эти шли на пользу дела.

Как и любой опер, по роду своей деятельности привязанный к определенному округу, Шо имел на Термитнике своих осведомителей. Широкая сеть его стукачей состояла из обычных корыстолюбцев и мелких сошек, прихваченных им на разных прегрешениях перед законом. В основном они представляли незначительную и неинтересную информацию, скудно оплачиваемую Гвардией по статье 248, пункт «а»: «Расходы на поддержание связей с ответственностью». (Эта опечатка была не иначе как фирменной примочкой наших бухгалтеров.) Сведения стукачей касались, в частности, краденого софта, торговли оружием, саботажных акций на добывающих предприятиях, поставок запрещенных видов наркотиков и торговли людьми. Если информация представляла хоть какой-то интерес, мы спускали ее муниципалам и облегченно вздыхали. Если же нет, то мы засовывали ее куда поглубже в собственные банки данных, обреченно вздыхая и питая в глубине души надежды, что эти факты не будут представлять никакого интереса и в дальнейшем и что нам не придется ее заново перекапывать.

Но иногда — как, например, сегодня — эта армия осведомителей может быть полезна. В поле зрения самой мелкой рыбешки, всю жизнь прозябающей у самого дна и прячущейся в водоросли при виде любой проплывающей мимо тени, может проскользнуть крупная хищная рыба. И если продолжить океанологическую метафору, то Аль-Махруд был как минимум настоящей акулой.

К нашему стукачу он заявился собственной персоной, так сказать, во плоти, и попросил устроить ему встречу с серьезными торговцами боевым программным обеспечением, объ-

яснив свой интерес к приобретениям в данной области весьма и весьма туманно. Стукач был парнем неглупым, Аль-Махруда опознал сразу, а опознав, смекнул, что выгодой это дело никак не пахнет. А пахнет оно могилой, поскольку даже самым широким массам общественности давно известен тот факт, что свидетели такого рода эпохальных встреч зачастую подвержены необъяснимым эпидемиям тяжелейших несчастных случаев со стопроцентным летальным исходом. Разумеется, для вида он согласился обстричь это дельце, так как отказ в сотрудничестве означал бы подписание собственного смертного приговора, не подлежащего ни обжалованию, ни отсрочке. Но как только дверь его конуры, которую он неоправданно высоко именовал «контрой», захлопнулась за спиной визитера, сразу же поставил в известность единственную организацию, в которой ему могли бы поверить, а поверив — оказать реальную помощь. То есть нас.

Гвардия верит в удачу и проверяет все сообщения подобного рода.

К тому времени мы уже третий год безуспешно пытались выйти на след этого мятежного генерала, нашедшего свое истинное призвание в амплу террориста, вора, наемного убийцы, насильника, саботажника, отравителя и подпольного военного советника нескольких радикальных течений. Короче говоря, врага общества номер два. И каждый раз мы натыкались на бетонную стену, которую безрезультатно пытались пробить собственными головами. Так что к моменту получения наводки от стукача, работавшего на Шо, мы были готовы сотрудничать с самим дьяволом или воплощением его в Галактике — Гриссомом, лишь бы подойти к злодею на расстояние удара.

Думаю, что в такой ситуации вас не удивит факт нашего быстрого реагирования на призрачную наводку.

Разговор со стукачом состоялся в одном из ответвлений коммуникационных туннелей города под аккомпанемент гудящих труб и капающего с потолка конденсата. Основной базар поддерживал Шо, что было справедливо, поскольку это его стукач. Моя же роль заключалась в угрожающем бря-

цании оружием и подаче в подходящих местах недвусмысленных реплик типа «Кончай резину тянуть», «Да что ты с ним вообще валандаешься, пристрели, а потом поговорим». А если кто считает, что бряцать иглогранатометом или нейтронным парализатором, с корпусом, на девяносто пять процентов состоящим из пластика, дело плевое, может на своей шкуре убедиться в обратном посредством личного опыта.

В конечном счете мы узнали все, что нам требовалось, но благоразумие стукача взяло-таки верх над его же алчностью: он сообщил нам о месте и времени назначенного randevu, снабдил импровизированным паролем, но наотрез отказался сопровождать нас на саму встречу даже при условии дополнительной оплаты. По ходу беседы он не устал задавать Шо один и тот же вопрос, очевидно, беспокоящий его до глубины души: «Ребята, когда же вы, черт вас дери, бросите дурака валять и вызовете подкрепление, а?»

Оставив бедолагу в состоянии глубокого эмоционального шока, вызванного моим беспечным заявлением о том, что мы собираемся брать Аль-Махруда вдвоем, мы выбрались из тьмы туннеля в вечный сумрак жилых районов. Мы пересекли небольшую площадь, кое-как освещенную горящими через один фонарями, растолкали локтями толпу подгулявших шахтеров и оказались у входа в ресторан с интригующим названием «Распутный дракон», широко распахнувшего перед нами свои тяжелые двери, окованные фальшивым золотом.

С одного взгляда на внутреннее убранство было понятно, что это заведение среднего пошиба. В нем не обнаружилось ничего интригующего, кроме уже приведенного мной названия. В полутемном зале было шумно, тесно и накурено, вентиляционные системы явно не справлялись с кучевыми облаками табачного — и не только табачного — дыма. Судя по специфическому аромату, здесь баловались венерианской травкой и не обделяли вниманием авалонский схлоп. Можно догадаться, что меню состоит исключительно из даров местной фауны, известной своей крайней ограниченностью, и больше чем на крысу из соседнего вентиляционного тунне-

ля, поданную под псевдонимом кролика с гарниром из клонированных овощей, рассчитывать не приходится. Иными словами, обычная тошнеловка. Хвала Полковнику, что мы пришли сюда не ради еды. Но я все-таки испытал невольный приступ сочувствия тем парням, которые вынуждены питаться здесь ежедневно.

Главным украшением обеденного зала являлась массивная, стилизованная под древнекитайскую скульптура, отлитая из того же сомнительного материала, что и входные двери. Не надо обладать моим ста пятидесяти шести единичным ай-кью, чтобы догадаться, что изображает она дракона.

Сосчитав количество лап, змеиных туловищ, огромных голов с распахнутыми ртами и свисающими из них языками, а также заостренных хвостов, переплетающихся между собой и со всем остальным, я убедился, что драконов все-таки два. Занимались они, видимо, распутством, хотя, не являясь признанным экспертом в области ксенобиологии, степени извращенности или, если пожелаете, распутности их позы я оценить не мог.

Мы с Шо немного постояли у дверей, привыкая к местному освещению, грохоту и дыму. На эстраде лабал небольшой, но очень шумный оркестр. Оглядевшись, мы двинулись в дальний и самый темный угол зала, где можно было хоть как-то расслышать собеседника.

Как мы и думали, интересующие нас личности прибыли на место встречи заранее. Значит, они уже успели прощупать обстановку на предмет наличия наших людей в зале и насажать своих. Обычная практика в таких случаях, но вот только из-за страшной спешки мы не успели ничего этого запланировать, поэтому наших людей здесь не было.

Мрачный здоровяк с накачанной фигурой, увешанный оружием по самые брови, развалился на хлипком, готовом в любой момент сдаться под навалившейся на него тяжестью стуле и посасывал дрянное местное пиво. Откуда я знаю, что оно дрянное? Местное пиво иным быть не может по определению.

Телохранитель, отметил я. Он слишком бросался в глаза, чтобы быть единственным телохранителем в этом зале. Ско-

рее всего, подсадная утка, призванная отвлекать наше внимание от настоящих стрелков. Их здесь должно быть несколько, я полагаю, не менее трех, и все они не сводят с нас видискателей своих боевых орудий.

Рядом с телохранителем сидел низкорослый, коренастый, смуглолицый, бородатый одноглазый субъект. Он пил дорогой новошотландский ром из хрустального бокала, невесть как оказавшегося в этой дешевой забегаловке, и попыхивал длинной тонкой сигарой в золотом мундштуке.

Деятели между собой не переговаривались: умственный коэффициент телохранителя, похоже, не позволял поддерживать даже легкую беседу о погоде, а смуглому и вовсе не было нужды говорить. Это был Аль-Махруд.

Итак, предел мечтаний любого оперативника сидел в трех метрах от нас, пялил свои маленькие глазки сквозь сигарный дым, и вся его поза вопила: «Арестуй меня, добрый человек!»

В таких ситуациях существует лишь две модели поведения, каждая из которых способна привести к желаемому результату.

Первая модель довольно-таки проста. Если вас человек семь-восемь (тут уж чем больше, тем надежнее), все вы ребята крепкие, вооруженные до зубов и небоящиеся прочитать собственные некрологи в завтрашних газетах, вы можете просто броситься на объект, парализовать его метким выстрелом и попытаться оттащить для допроса в Штаб-квартиру под шквальным огнем группы поддержки. Неизбежный минус данного варианта поведения заключается в реальном риске навлечь неприятности не только на свою высокопрофессиональную шею, которая для этого и предназначена, но и на шеи других посетителей заведения, вполне приличных людей, жизни коих мы обязаны всячески оберегать.

Вторая модель несколько тоньше. Вы подходите к искомому объекту, выдаете себя за тех, встречи с кем он ждал всю свою сознательную жизнь, и вступаете с ним в легкую и непринужденную беседу на интересующие его темы. По ходу дела вычисляете его сообщников, рассчитываете наиболее эффективные методы их нейтрализации, выбираете подходящий для атаки момент и лишь после того парализуете объ-

ект метким выстрелом и пытаетесь доставить его для допроса в Штаб-квартиру под шквальным огнем группы поддержки. Дополнительный бонус второй модели поведения заключается в том, что по ходу вашего разговора объект может сболтнуть что-нибудь интересное относительно своих намерений. Не буду кривить душой, подобные вещи в реальной жизни срабатывают крайне редко, но и вся реальная жизнь — лотерея, а значит, надо играть. И я сделал первый ход.

Подойдя к столику, я уселся на один из свободных стульев. Шо, согласно нашему сценарию, остался стоять у меня за спиной.

— Курсы телеметрических соседей никогда не пересекаются,— сказал я. Эта прописная истина вакуумной баллистики, известная любому школьнику, сегодня служила паролем.

— Если только мозг центрального компьютера не заражен Паркинсоном,— выдал отзыв телохранитель.

Это были единственные его слова за весь вечер. Впрочем, меня удивил сам факт, что он смог произнести такую длинную фразу, при этом не шевеля складками на лбу и не водя слюнявым пальцем по строчкам шпаргалки.

После бенефиса телохранителя инициативу взял в свои руки его работодатель.

— Вы ковбой? — спросил он тоном человека, интересующегося, не больны ли мы какой-нибудь смертельно опасной и очень заразной болезнью. Тагобарским штаммом Эбола, например. С другой стороны, остается только приветствовать его деловой подход. Никаких тебе «Здрассьте, не хотите ли выпить?».

— Мне надеть сомбреро, ремень с килограммовой пряжкой и свистнуть с улицы парочку необъезженных мустангов? — спросил я довольно развязно. Я ведь по легенде косил под хакера, а это народ наглый и независимый.

— Ты, может, и сойдешь за ковбоя,— сказал он.— Но вот твой приятель... Он больше смахивает на этих чертовых ниндзя. Ты давно свой контракт с якудзой разорвал, япошка?

Это обычное прощупывание. Аль-Махруд намеренно на-

ступил на большую мозоль любого азиата. Причем больной эта мозоль была независимо от того, являлся ли азиат японцем, корейцем или вьетнамцем.

Честные люди всегда болезненно реагируют на любые намеки о их причастности к делам всемогущей японской мафии. Относительно спокойными в такой ситуации остаются только сами якудзы.

Шо не являлся исключением из этого правила. Я сам видел, как он вздул двоих парней, позволивших подобный выпад в его адрес.

Кстати, если принять во внимание его физическую форму, вполне вероятно, что в бурной своей молодости он мог иметь какие-то дела с яками. Но в той или иной степени дела с ними имеют все подданные Лиги и ее окрестностей. Сейчас Шо — гвардеец до мозга костей, и всем нам наплевать на его прошлое. По крайней мере до тех пор, пока оно не начинает мешать работе.

Шо остался глух к оскорблению и промолчал. Мы следовали наспех разработанной легенде. Переговоры сегодня веду я.

— Я — ковбой, — сказал я. — Шо — мой компаньон и занимается связями с общественностью. Обязанности свои знает хорошо. (Это весьма непрозрачный намек. С прощупыванием надо заканчивать.) К тому же я не понимаю, что тебя удивляет. Я ведь не устраиваю сцен по поводу *твоего* ходячего арсенала.

— Ха!

Аль-Махруд одарил меня долгим оценивающим взглядом. Вышеупомянутый ходячий арсенал с самого начала был злобен и угрюм, и никакой любви и теплоты моя реплика ему не прибавила.

Зато разговор перешел в более деловое русло.

— Ты знаешь, кто я? — спросил Аль-Махруд.

— Не имею понятия.

Это была ложь, и еще какая. Даже если бы я не был тем, кем был на самом деле, а всего лишь тем, за кого он меня принимает, я не мог не знать, что за тип сидит сейчас с другой стороны стола, иначе грош цена и мне, и моим источникам

информации. Клиента, тем более в таком скользком бизнесе, как (по легенде, конечно) мой, надо знать, иначе никто не будет тебя уважать. Я знал, кто он, а он знал, что я это знаю, и я знал, что он знает, что я знаю; однако правила игры были таковы, что мы вынуждены были лукавить, пытаюсь создать иллюзию анонимности.

— Меня гораздо больше интересует, какого цвета твои деньги и какую их часть ты намереваешься мне отстегнуть. Учти, синие и красные¹ я люблю больше, но могу поработать и за зелень².

— Твой подход мне нравится, — он поддержал игру, выпуская к потолку клуб сизого дыма. — Лучше для тебя будет, если ты и потом не вспомнишь, с кем имел дела.

— Я пока не вижу вообще никаких дел.

Мне показалось, что он хрюкнул. Возможно, этот низкий утробный звук означал обычный смешок, но, по-моему, он просто хрюкнул.

— Тебе сказали, что я ищущ?

— В общих чертах. Софт.

— Софт, — повторил он, словно смакуя слово. — Именно кое-что из софта. Мне нужен ледоруб.

Становилось интересно.

— Всем нужен ледоруб, и ледорубов много, — сказал я. Нет бога, кроме Аллаха, и Магомет — пророк его. Ледорубов на рынке действительно очень много, а еще больше на рынке идиотов, которые думают, что могут этими ледорубами воспользоваться. Чайники. Настоящий ковбой пишет свои «ломовые» программы сам, каждый раз и для каждого конкретного случая, потому что никто не знает, как поведет себя в той или иной ситуации покупная штукавина. Все равно что доверять незнакомцу укладывать твой парашют.

— С проникающей способностью не ниже первого уровня, — уточнил Аль-Махруд.

Я мысленно присвистнул. Не собрался ли парень на легкую прогулку по базам данных боевых компьютеров ВКС?

¹ Деньги корпораций.

² Официальная валюта Авалона и Новой Москвы.

Учитывая, что ледоруб с проникающей способностью пятого уровня позволяет непринужденно ломать небольшие коммерческие и муниципальные базы, а с третьим уровнем можно попробовать замахнуться даже на филиальное отделение корпорации, идея не такая уж и бредовая.

Как известно, реальность всегда бредовее идей.

Шо дважды коротко прикоснулся к моей спине. Со стороны этот жест остался незамеченным. Два касания означают, что двоих стрелков он уже засек. Неплохо. Я пока видел только одного, но как опера меня с Шо даже сравнивать нельзя. Третье нажатие длилось чуть дольше. Логично, продолжаем тянуть время. Да и разговор складывается уж больно любопытный.

— Тебе нужен ледоруб класса «змея» или...

— Или. Мне бы подошло что-нибудь типа «дракона-7000-ультра».

— Хочешь изрядно пошуметь?

— Хочу, — довольная улыбка поверх бокала.

Тоже повод для размышления. Если кому-то требуется хакнуть информацию и тихо-быстро слинять, ледорубы разновидности «змея» или «хамелеон» подходят для таких целей как нельзя лучше. «Драконы» и им подобные используются для тотального лома локальных сетей, так как по ходу процесса они уничтожают куда больше информации, чем берут с собой. С другой стороны, Аль-Махруд все-таки не ковбой, а террорист...

— Мне также важно, — сказал он, — чтобы это не был продукт какой-нибудь корпорации. Мне подойдет армейский вариант или самопал. Самопал даже предпочтительнее.

— Самопалы и стоят дороже, — сказал я. — С каждым годом становится все меньше толковых ребят, не завязанных с корпорациями. Дзайбацу платят куда больше денег, и риска гораздо меньше.

— В данном случае деньги не имеют для меня решающего значения, — отмахнулся террорист.

— Теперь *мне* начинает нравиться *твой* подход, — сказал я.

Торговаться парень не умеет. Будь на моем месте профессиональный толкач софта, для него это был бы просто пода-

рок. После последнего заявления террориста цена на программу автоматически взлетела бы раза в три и скрылась в заоблачных высях.

— Против кого ты собираешься применить эту игрушку?

— А ты уверен, что тебе надо это знать? — В его нарочито презрительном тоне прозвучала скрытая подозрительность, маленькие глазки, глядевшие на меня сквозь клубы дыма, сузились, и, прямо скажем, обаяния все это ему не добавило.

— Если ты заинтересован, чтобы она сработала, то да.

— Как так?

Блин, ну что за идиот!

Я, конечно, знаю, что раньше ему не доводилось проявлять себя на славном поприще виртуального терроризма. Но коли уж ты собрался открыть новую страницу в книге своей преступной деятельности, то потрудись усвоить хотя бы элементарные знания, касающиеся нового занятия. Хотя бы теорию. Хотя бы для того, чтобы не выглядеть полным лохом в разговоре со сведущими людьми и не дать себя надуть. Соответственно гипотетическая цена, которую запросил бы профессиональный торговец софтом, выросла еще процентов на шестьдесят.

— Тогда позволь мне прочитать небольшую лекцию,— сказал я тоном человека, которому чертовски скучно. Таким тоном маститый академик, отхвативший Нобелевскую премию Лиги в области молекулярной генетики, мог бы в сотый раз объяснять суть своего открытия случайному знакомому на очередном коктейле по поводу получения награды.— Ты ведь сам только что сказал, что ледоруб не должен быть продуктом какой-либо корпорации. Любому дилетанту известно, что корпорации пишут свои программы таким образом, чтобы они не срабатывали против материнских защитных систем. Никто ведь не хочет подорваться на собственной mine. В самый ответственный момент такой ледоруб может просто зависнуть, на всю Сеть растрезвонив о твоём локальном местонахождении, а штучка посложнее просто вырубит тебе синапсы или, к примеру, выжжет твой мозг, или что там еще может находиться у тебя между ушей, сечешь? Из всего вышеперечисленного можно сделать вывод, что ты собирае-

шья ломать базы данных корпорации. С другой стороны, корпораций всего две, и их охранные системы далеко не одинаковы. У каждой из них есть свои индивидуальные особенности, то бишь фирменные примочки, и далеко не факт, что ЛЮБОЙ продукт, не являющийся детищем корпорации, одинаково хорош и в том, и в любом случае.

— То есть?

— Ты берешь такой универсальный продукт, вставляешь его в Сеть и ждешь результата,— сказал я.— В одном месте он может спокойно привести прямо к цели, а в другом — вляпать в такое дерьмо, что ты будешь благоухать весь остаток своей короткой и никчемной жизни. Защита Кубаяши не очень сложна, зато крепка, Тайрелл на первый взгляд выглядит послабее, но на внутреннем периметре у него стоят такие штуковины, что могут запросто свести с ума и тебя, и твое «железо».

— И что?

— Пойми, программ, работающих наверняка, нет в принципе. Защита корпораций апгрейдится каждый день, и программа даже месячной давности вполне может быть устаревшей. Максимальные шансы может дать тебе только свежий ледоруб, написанный специальной для лома нужной тебе системы.

Примерно на середине своей лекции «Курсы молодого бойца для хакера» я вычислил второго стрелка — высокого блондина, любезничающего с миловидной брюнеткой. Он был слишком трезвым и бросал в нашу сторону слишком подозрительные взгляды. К тому же я отметил слишком большие выпуклости у него под мышками. Также мне под подозрение попал официант, чересчур усердно обслуживающий только те столики, что находились на линии огня относительно нашего.

А Аль-Махруд не дурак. В его ремесле дураков нет, по крайней мере живых. Если он чего-то не знал, то всегда был готов научиться. Он впитывал каждое произнесенное мною слово, давая понять, что я несколько поспешил с оценкой его интеллектуальных способностей. Хотя о самообразовании следовало бы думать чуть раньше.

— Я об этом не подумал,— признался он.— Но если бы я сам об этом думал, то зачем мне ты?

Я пожал плечами. Многие пытались плавать в этом море самостоятельно, и все они стали кормом для рыб.

— Значит, универсальных программ нет?

Все-таки идиот. Для чего я полчаса распинался?

— Если они и есть,— сказал я,— то мне о них ничего не известно.

— В таком случае, мне понадобится пара.

А вот это действительно любопытно. Или парень заимел зуб против обеих корпораций сразу, или же он просто пытается запудрить мне мозги и не дать понять, кто его истинная мишень. Учитывая нынешние цены на боевые программы, это будет весьма дорогостоящая дымовая завеса, но он ведь может себе позволить и не такое.

— На оптовую скидку не надейся.

— Штучный товар, да? — Он ухмыльнулся.— Но мне все равно нужна пара, и тот, который предназначен против Тайрелла, нужен мне раньше.

Это истинная цель? Или продолжение отвлекающего маневра?

— Хорошо,— сказал я.— Поговорим о сроках. Сколько у меня времени в запасе?

— Я был бы доволен, если бы ты уложился в пару дней.

— Это даже не обсуждается,— сказал я.— За пару дней никому не найти стоящую вещь.

— А сколько же тебе надо?

— Не менее двух недель.

Он аж присвистнул:

— Это чертова уйма времени. Зачем столько?

— Хорошие ледорубы на дорогах не валяются. Тем более нет у них обыкновения валяться в пыльных туннелях, которые по какой-то ошибке считают дорогами на этой куче отбросов, которую, несомненно, благодаря той же ошибке, считают планетой. Здесь я веду свои дела, но и только. Офисы дешевые, полиция не зверствует... Здесь я встречаюсь с клиентами, такими, как ты. Но что касается программ — извините. На Термитнике нечего красть, поэтому здесь нет ковбоев.

— А у тебя нет готовых программ? Я думал, так делаются дела.

— Ты ошибался, дела так не делаются. Особенно в нашем бизнесе. Нет никакого смысла запасаться готовыми программами, потому что: а) боевые продукты очень быстро устаревают, это я говорил; б) никогда не знаешь, сколько тебе придется ждать покупателя на тот или иной софт. Корпорации, знаешь ли, не каждый день громить собираются, и товар у меня на самом деле штучный.

— И как же делаются дела в вашем бизнесе?

— А как ты меня нашел?

— Я знаю одного парня, который знает парня, имеющего отношение к торговле софтом, и тот парень посоветовал мне встретиться с тобой.

Этим вторым парнем, вне всякого сомнения, был стукач Шо, честь им обоим и хвала. Стукачу надо будет на пару месяцев залечь на дно. Неизвестно, сколько у Аль-Махруда сообщников, зато очень даже известно, какие они будут испытывать чувства после ареста своего идейного вдохновителя.

Правда, арест еще не состоялся...

— Я работаю по такой же схеме,— сказал я.— Я знаю парней, которые знают парней, которые знают третьих парней, у которых может оказаться что-то стоящее. А может и не оказаться, и тогда кому-то придется писать программу специально под тебя. А это, знаешь ли, время. И я совершенно точно знаю, что не успею связаться со всеми ними за два дня.

— Ладно,— сказал Аль-Махруд. Когда тебя припирают к стенке, у тебя нет иного выхода, кроме как согласиться. Или попробовать поискать другого торговца софтом, что опять-таки связано с потерей времени.— Пара недель.

— И это только на первый,— предупредил я.— Примерно столько же времени мне потребуется на поиск второй игрушки.

— А искать их одновременно ты не можешь? — спросил он.

— Могу,— сказал я.— Но когда речь идет о разовом заказе, это один вопрос. И совсем другой вопрос, если я одновременно буду искать оружие, направленное против двух самых

мощных баз данных в Галактике. Кто-то непременно сложит два и два, поймет, что готовится крупномасштабная акция, и начнет гнать волну, пытаясь отхватить свой кусок пирога. Когда речь идет о хакерах, утаить информацию практически невозможно, а повышенное внимание к моей персоне мне неинтересно. Тебе, думаю, оно тоже ни к чему.— Здесь он кивнул.— Лично я вообще бы предпочел подождать около месяца после первого заказа, и лишь потом возобновил бы контакты.

— Неприемлемо. Больше месяца я ждать не могу.

— Понимаю,— сказал я.— Поэтому попытаюсь сработать за месяц.

Он докурил свою сигару и бросил окурочек на пол, заботясь о постоянной занятости местных уборщиков. Засунул руку под пиджак, от чего Шо картинно напрягся за моей спиной, выражая полную боеготовность, достал из золотого тисненого портсигара новую сигару, уже обрезанную, помял в пальцах и сунул в мундштук. Прикуривать он не стал.

Это хорошо. С тех пор, как я бросил курить в последний раз, запах табачного дыма стал мне вдвойне невыносим, и я уже трижды пожалел, что пришел на эту встречу без дымопоглощающих фильтров.

Я оглядел зал. Вроде бы больше стрелков нет, или же они попрятались так хорошо, что мы обнаружим их только после того, как они проделают в наших телах несколько дырок.

Затягивать дальнейшие переговоры смысла не было.

— Мы закончили со сроками? — спросил Аль-Махруд.

— Почти,— сказал я.— Как мне найти тебя по окончании работ?

— Просто.— Он протянул мне визитку. Многослойной стереографией тут и не пахло, обычный кусок пластика с кодом планеты и номером комм. Нет даже вымышленного имени владельца. Подставной узел связи, вычисление которого нам ничего не даст.

Но мы привыкли проверять все варианты, и я убрал карточку в карман.

— Люблю, когда все просто,— сказал я.— Осталось только

обсудить вопрос, который интересует меня куда больше остальных.

— Цена, — констатировал он.

— Именно. Я всегда заранее извещаю своих клиентов о сумме и способе оплаты.

— Это благоразумно.

— И помогает избежать недоразумений, вызванных взаимным недопониманием, — сказал я. — Недоразумениями занимается мой молчаливый товарищ, и нельзя сказать, что у нашей конторы много недовольных клиентов.

— Совсем нет, — сказал Шо.

Суровая и лаконичная фраза, достойная бывшего мафиозного боевика, а ныне телохранителя класса А Шо, всегда вступает к месту.

Террористы промолчали. Угроза насилия была для них так же привычна, как чашка утреннего кофе. Их этим не прошибешь. Но промолчать было нельзя. Если бы мы обошли вниманием этот вопрос, то вызвали бы преждевременные подозрения. Правило номер один: чем мельче дилер, тем громче должны звучать его угрозы.

— Теперь о цене, — сказал я. — Обычно я беру цену автора, а я всегда работаю только с авторами, потому что только так можно обеспечить хоть какие-то гарантии, и добавляю к ней сорок процентов. Это стоимость работы, доставки и риска.

— То есть назвать точную цену ты сейчас не можешь?

— И не смогу, пока не получу товар. Пойми меня правильно, цена продукта зависит от целого ряда причин, большая часть которых к самой программе и ее качеству никакого отношения не имеют. Авторы тоже люди, у всех бывают разные обстоятельства. Кто-то много пьет, кто-то пристрастился к наркотикам или имеет долги перед местными букмекерами, кому-то надо содержать семью из восемнадцати человек, а кто-то гребет деньги лопатой на фондовой бирже, а написанием программ занимается в свободное время в качестве хобби. Разные потребности — разные цены.

— Но я хотел бы знать хотя бы диапазон твоих расценок, — сказал террорист, и это прозвучало бы вполне уместно, если бы он действительно собирался заплатить. Обычной же пла-

той в подобных сделках была пуля в лоб. Она чертовски сэкономила средства, в то же время устраняя свидетелей.— Я ведь с собой много наличности не ношу.

— А я не доверяю кредитным карточкам,— сказал я.— Это у меня профессиональное.

— Надо думать,— сказал он.

— Диапазон цен я назвать могу,— сказал я.— От тридцати до сорока тысяч кредитками корпорации Тайрелла. Разумеется, до того, как ты пустишь в ход свою игрушку. Кто знает, что твоя операция сотворит с курсом акций. Или та же сумма в долларах Авалона по текущему курсу.

— Сто тридцать — сто пятьдесят тысяч,— подсчитал он.— Твои программы дорого стоят.

— Зато они хорошо работают.

— Хочется верить, за такую-то цену... Ладно, считай, что мы договорились. И можешь прибавить к своим сорока еще двадцать процентов, если упрaviшься быстрее.

Легко обещать проценты с суммы, которую не собираешься платить. Если бы на моем месте был профессиональный толкач софта, то после такой беседы он бы прочно залег на дно, а карточку с номером телефона растолок в мясорубке и съел. Для надежности.

— Постараюсь,— сказал я.— Но обещать не буду.

— Не обещай,— кивнул он.— Просто сделай.

— Не буду обещать,— сказал я.— Кстати, есть еще один небольшой нюанс, подлежащий немедленному обсуждению.

— Какой? — снова насторожился террорист.— Мы вроде уже все обговорили...

Шо сделал шаг назад, увеличивая сектор обстрела, и оружие появилось в его руке как по мановению волшебной палочки. Мне такого никогда не повторить, поэтому я и завидую Шо черной завистью.

— Гвардия,— сказал я.— Вы оба арестованы, придурки.

Можно было, конечно, начать стрельбу молча. Но не положено по инструкции. Прежде чем пристрелить человека, гласит инструкция, надо предоставить ему шанс сдаться добровольно.

Только почему-то никто добровольно не сдается.

Встревоженный моей репликой телохранитель попытался схватиться за пистолет. Но он слегка замешкался при выборе оружия, которого у него было в избытке, и это стоило ему жизни. Выстрел моего напарника настиг его на втором слоге слова «придурки». С удивленным выражением на лице и небольшим входным отверстием в груди ходячий арсенал начал сползать со стула.

Шо крутанулся на каблуках, разворачиваясь на сто восемьдесят градусов, в то время как ваш покорный слуга вытаскивал на свет собственное оружие.

Рядовой Такаги стрелял так, как дано только прирожденным снайперам. Прицельно и в то же время не целясь. Казалось, что он заранее знает, как именно следует держать оружие, чтобы выстрелы попадали в цель. Заранее знает траекторию каждой своей пули. Он уже успел снять первого стрелка из группы прикрытия — того самого ухажера-блондина и разворачивал ствол в сторону второго.

Все описываемое далее происходило одновременно. Третий выстрел Шо достиг цели, в то время как первый и последний выстрел его противника ушел в потолок. Аль-Махруд выскочил из-за стола, перевернув его на меня, и бросился бежать во весь опор. А вызвавший мои подозрения официант шмальнул по нам из нейроподавителя.

Это была моя ошибка. Вычислив его как потенциального стрелка, я, как только началась пальба, не позаботился о его нейтрализации, так как все время видел обе его руки и не предполагал, что он сможет включиться в нее так быстро. Нейроподаватель скорее всего крепился к телу под одеждой и наводился при помощи миниатюрного джойстика, вживленного в ладонь. При его площади поражения большой точности стрельбы не требуется.

Если бы у парня было оружие посерьезнее, моя ошибка могла бы стоить нам с Шо жизни.

Но более серьезного оружия у него не было. Наша броня рассеяла и поглотила заряд. Да, именно броня, ибо наши серые деловые костюмы, в которых мы явились на эту встречу, на самом деле были бронированной формой. Официант сей

факт отметил, но осмыслить не успел. Иглогранатомет уже лег в мою ладонь, и я снес парню голову.

Иглогранатомет — оружие идеальное, если вам приходится вести огонь на поражение в общественных местах. Луч или пуля, не говоря уже о теплонаводящихся ракетах и гранатах класса «конан», пробивают человека насквозь или разносят его в клочья, накрывая заодно и случайных свидетелей, которые списываются как попутный ущерб, что делает саму операцию не слишком этичной. Игла же, настроенная исключительно на органику, впивается в тело всего на несколько сантиметров и взрывается лишь потом, производя разрушения, подобные тем, которые наносятся лучевым или огнестрельным оружием, но только для данного конкретного индивидуума. Я понимаю, что некоторый попутный урон при стрельбе в толпе все равно теоретически возможен и лучше было бы, чтобы иглогранаты разрывались исключительно в организмах злодеев, но современная наука еще далека от решения этой проблемы.

Зато мазил в Гвардии нет. Возможно, потому что они просто не возвращаются с заданий. Естественный отбор в миниатюре.

Выстрелы у наших любимых игрушек тихие, практически неслышные. Тем более представьте себе потрясение людей, увидевших, как человек, только что стоявший, так сказать, целиком, внезапно лишился головы.

Кто-то вскочил, кто-то бросился на пол, кто-то бывалый обреченно буркнул: «Опять...» Истерически закричали несколько женщин, загрохотали опрокидываемые стулья и отодвигаемые столы, оркестр умолк, и лишь статуя дракона посреди зала оставалась невозмутимой.

Итак, я сделал один выстрел, Шо целых три, и оба мы в это время смотрели совсем не в ту сторону, куда следовало бы.

Развернулись мы одновременно.

Аль-Махруд все-таки не случайно стал террористом номер два. Секундной заминки, выигранной его группой прикрытия, ему вполне хватило. Он на удивление ловко и быстро пробирался к выходу, расталкивая локтями перепуганных посетителей и перепрыгивая через валявшиеся стулья.

Бежал он профессионально. Ни на мгновение не задерживался на одном месте и все время прикрывался кем-нибудь из беспорядочно мечущихся людей, что сводило к нулю все возможности его пристрелить. В общем, мы не рискнули открыть огонь из опасения зацепить невиновных и, несмотря на сильное желание, не смогли закончить эту эпопею здесь и сейчас.

Мы бросились следом за террористом.

Городского транспорта на Термитнике не существует. На поверхность планеты выходит несколько силовых шахт, городские жители же вынуждены ограничиваться ленточными тротуарами различных скоростей. Знаете, такая древняя штука. Чем длиннее маршрут, тем выше скорость змеящегося тротуара.

Кары и прочие индивидуальные транспортные средства имеются в наличии только у муниципальных полицейских, работников медицинских служб и обслуживающего персонала систем жизнеобеспечения города, так что этим вечером нам предстояло побегать на своих двоих.

Следуя за террористом, мы весьма резво пересекли оживленный район ночных баров, ресторанов и борделей, рассекая толпы гуляющих шахтеров, словно волки, прокладывая свой путь сквозь стадо овец. Наконец мы попали в лабиринты коммуникационных туннелей города, наподобие тех, где мы вели переговоры со стукачом. Коридоры, напичканные под потолок трубами водоснабжения, паропровода, воздуховода и канализации, электрическими, силовыми и оптоволоконными кабелями, пересекались под совершенно непредсказуемыми углами и представляли реальную угрозу для жизни заплутавшего в них новичка. Как правило, они были не освещены или освещены недостаточно, и в них царила своя, особая жизнь, невидимая постороннему взгляду. Туннели являлись прибежищем для немногочисленных летающих, бегающих или ползающих представителей местной фауны, паразитирующих на отходах человеческой жизнедеятельности. Здесь обитал также несчастный люд, те, кто уже не может работать и в свое время так и не смог накопить достаточно денег на жилье, питание, а тем более на обратный

билет с этой Богом забытой планеты. Такие бомжи, живущие за счет попрошайничества, а то и мелкого воровства, являются неотъемлемым атрибутом любой из планет типа Термитника и постоянным напоминанием о сиюминутности мирских благ.

Аль-Махруд, несмотря на внушительный возраст, плотное телосложение и пагубную для здоровья привычку табакокурения, бегал очень неплохо. Я находился на пике своей физической формы, а Шо всегда был круче меня. Однако расстояние между нами и Аль-Махрудом сокращалось до безобразия медленно.

Вся надежда была на Шо. В данный момент он работал в постоянном своем районе и мог превосходно ориентироваться на местности, в отличие от меня и Аль-Махруда, который терял драгоценные секунды перед каждой возникшей на его пути развилкой. Рано или поздно нам должен был представиться случай пустить этот козырь в ход. Знаете, что-то типа тайного оружия, веками лежащего в темноте и ожидающего ключевого момента для удара, бац-бац — и в дамки, как скажет чуть позже Мартин Рэндольф, а Мартин глупостей говорить не будет.

Такой момент нам представился через десять минут после начала погони. На секунду замешкавшись перед тройной развилкой, Аль-Махруд нырнул в средний туннель. Шо толкнул меня влево, а сам бросился за ним.

— Срежь угол! — успел услышать я его крик. — На перекрестке гони его в темноту...

Возможно, он крикнул что-то еще, но я его уже не слышал и во всю мочь мчался по левому проходу.

Клинический идиотизм. По таким местам надо ходить медленно, с фонариком, палкой ощупывая пол перед очередным шагом, а не лететь сломя голову. Пару раз я чуть не наступил на крысу, рискуя вывихнуть лодыжку или сломать ногу, едва не столкнулся с местной бродячей собакой, похожей на слепую гиену, еле увернулся, чтобы не разmozжить голову о какой-то совсем уж необъяснимый изгиб оптоволоконного кабеля.

Чудом преодолев все препятствия и оставшись при этом в

живых, я выбежал к следующему перекрестку одновременно с террористом, который, увидев меня, юркнул в ближайший к нему темный проход.

Рядовой Такаги присоединился ко мне через пару секунд, и я про себя слегка позавидовал его прекрасной физической форме. После бешеного кросса, пройденного с одной и той же скоростью, я выглядел как измочаленная кляча, а он будто бы вошел сюда из соседней комнаты.

Поскольку Шо лезть за Аль-Махрудом не торопился, я сделал вывод, что мы загнали террориста в тупик и деваться ему просто некуда. Мы постояли. Думаю, Шо тактично дал мне возможность перевести дух.

— Тупик? — спросил я не очень-то умно.

Шо кивнул. Если можно ответить одним словом, он им и ответит, а еще лучше, если сможет обойтись вообще без слов. В отличие от вашего покорного слуги, страдающего, как вы уже соизволили заметить, словесным недержанием.

— Теперь никуда не уйдет, — еще одно «гениальное» высказывание.

Я бросил взгляд на индикатор боезапаса иглогранатомета. Оцените, на сколь бесполезные действия толкает людей нервная обстановка. Из любой нашей оружейной единицы можно уложить по небольшой армии, боекомплект проверяется автоматически перед каждым выходом из Штаб-квартиры, и мой иглогранатомет никак не мог разрядиться после одного выстрела, сделанного в тот вечер.

— Тупик глубокий?

— Метров двадцать.

— Пошли, — сказал я.

Настороженные, с оружием в руках, едва не касаясь друг друга локтями, готовые к любому варианту развития событий, мы вошли в тупик.

И дошли до его конца, упершись в стену.

Это был классический, я бы даже сказал, академический тупик, непонятно для каких целей предназначенный: в нем отсутствовали любые намеки на функциональную пригодность — ни труб, ни кабелей, ни запчастей для аварийного генератора, ни отводов системы пожаротушения, ни щитовых

панелей силовых установок или ведущих в более глубокие коммуникационные дебри люков. Ничего, за исключением каких-то лохмотьев и кучки крысиных экскрементов в углу. И еще Аль-Махруда, который теперь-то уж точно никуда не денется.

Террорист лежал на спине, широко раскинув руки, уставясь в темный, покрытый разводами потолок ничего не видящими глазами, а из груди у него торчала рукоятка обычного стального тесака, которыми пользуются для рубки мяса лишь повара экстра-класса и закоренелые консерваторы. Вторая рукоятка торчала у него из головы.

Думаю, мне не стоит уточнять, что Аль-Махруд только что получил свое.

— Зашибись,— сказал я, усаживаясь на корточки возле трупа.— По-моему, настала пора подвести промежуточные итоги. Мы три года безрезультатно гоняемся за этим типом, выслеживаем его на всех планетах Лиги, ни на йоту к нему не приближаясь. Зато потом натыкаемся на него благодаря счастливой случайности, наконец-то входим с ним в визуальный контакт и ведем душевные беседы относительно виртуального терроризма. Потом объявляем ему, что он арестован, вступаем в перестрелку, кладем в ресторане всю его охрану, отпускаем его, гонимся за ним по этому чертовому лабиринту, чуть ли не наступая на пятки, загоняем его в этот чертов тупик, и что мы получаем в результате? Его хладный труп! Блестяще проведенная боевая операция, ты не находишь? Сам Рейден вряд ли сделал бы лучше. Интересно, что скажет на это Полковник? И еще интереснее, что мы ему скажем?

— Вряд ли нам удастся выдать это за самоубийство,— бесстрастно произнес Шо.

И кто придумал, что у азиатов плохо с чувством юмора? В самом деле, несколько затруднительно свести счеты с жизнью при помощи двух здоровенных тесаков, засунув один из них в собственную грудь, а второй — в череп. Что, кстати, наглухо перекрывает канал для считывания с мертвого мозга остаточной оперативной памяти, до которой еще

можно добраться в течение двух с половиной часов после смерти ее носителя.

— Патрульные не торопятся,— сказал я.

Шо скосил глаза на циферблат своих часов, показывающих местное время.

— Не менее получаса в запасе,— подсчитал он.— Тут на весь район приходится восемь полицейских и два кара.

Все разногласия обычно улаживаются без помощи полиции. На долю доблестных стражей правопорядка выпадает только подсчитывание трупов, а трупов этим вечером предостаточно. Даже на один больше, чем нужно. Если вы позволите мне каламбур, то Аль-Махруд до зарезу был нужен нам живым.

Я выудил из кармана пластинку жевательной резинки. Пагубная привычка, каковой я обзавелся после того, как избавился от пагубной привычки курить.

— Прости за официанта,— сказал я.— Я видел, что он в игре, но не ожидал, что сделает свой ход так быстро.

— Я ожидал,— сказал Шо.— Но руки у него были заняты, а на себе он не мог спрятать ничего столь мощного, чтобы пробить нашу защиту, поэтому и оставил его на потом.

Вот тебя и умыли, подумал я, отвечивая себе мысленный пинок пониже спины. Впрочем, деликатному Шо было достаточно только указать на промах, не развивая тему его последствий вглубь и вширь, как поступило бы девяносто процентов моих коллег, включая и меня самого. Однако, поскольку я достаточно хорошо представлял эти самые последствия, мое мнение о самом себе сильно упало. Мало того, что я неправильно оценил уровень исходящей от парня угрозы, но еще и потерял драгоценные секунды с парнем, который никакой угрозы не представлял. Вполне возможно, что именно этих самых секунд нам не хватило, чтобы взять Аль-Махруда живым.

Век живи, век учись, и все равно тебя умоют.

Шо обыскал карманы трупа. В них нашелся портсигар с восемью обычными сигарами и одной необычной, стреляющей небольшими ядовитыми снарядами, зажигалка с встроеным молекулярным резаком, пневматический пистолет

тридцать шестого калибра, два носовых платка, горстка мелочи и несколько удостоверений личности и кредитных карточек, выданных на разные имена на трех разных планетах. С фотографий на всех трех документах глядела физиономия нашего клиента.

Списка с планируемыми преступными деяниями или записной книжки с именами и адресами подельников не обнаружилось. Жаль, это здорово облегчило бы нам жизнь.

Когда ты облажался, спасение следует искать в сарказме.

Пока Шо ковырялся в карманах, я визуально оценивал место преступления.

— Раз уж нам все равно полчаса торчать здесь в ожидании местных копов,— сказал я,— то времени на небольшой брифинг по горячим следам у нас хватит. Мне очень хотелось бы обсудить с тобой пару технических вопросов.

— Например? — не глядя на меня, поинтересовался Шо. Он вводил со своего личного терминала вымышленные имена Аль-Махруда и цифровые коды с кредитных карточек, которые помогли бы нам проследить как путь самих карточек, так и их владельца.

— Например, как это было сделано.

— Кто-то поджидал его здесь.

— Допустим,— сказал я, хотя с какой стати этому загадочному «кому-то» взбрело в голову поджидать его именно здесь, у меня в голове не укладывалось.— Но куда этот кто-то потом делся?

Шо пожал плечами столь же красноречиво, сколь и исчерпывающе.

Я просканировал тупик в ночном инфракрасном и В-лучевом режиме. Ничего.

Тогда я поднялся на ноги и еще раз обследовал помещение, делая это тщательно и подробно. Я ощупал стены, облазил на четвереньках пол. Ни люков, ни замаскированных боковых проходов, ускользающих от визуального обнаружения, все равно не нашлось. Я прошелся до развилки и обратно, для очистки собственной совести размахивая руками и раздавая пинки несуществующим врагам. Человека в броне «стелс-12», а это единственный тип брони, который не

в состоянии засечь наши датчики, тоже не было. А даже если бы и был, проскользнуть мимо нас, когда мы заходили в тупик, он физически не мог. Тупик был узковат и для двоих людей,двигающихся бок о бок, для троих же — просто непроходим. Поэтому все мои манипуляции особого смысла не имели и проводились исключительно от нечего делать.

Факт оставался фактом.

Тупик — на самом деле тупик.

Аль-Махруд мертв.

Рядовой Такаги бесстрастно наблюдал за моими действиями, не отпуская никаких комментариев.

— Ну? — только и спросил он, когда я вернулся к трупу и подпер спиной стену.

— Ничего.

— Плохо,— произнес Шо, но это было ясно и без него. Выводы напрашивались самые неутешительные.

— Давай на минуту забудем о том, как убийца отсюда ушел,— сказал я.— Задумаемся, откуда он здесь вообще взялся.

— Тогда нам стоит ответить на вопрос: завернул ли Аль-Махруд сюда намеренно, или это мы загнали его сюда, заставив выбрать случайное направление?

Хороший вопрос. Когда я выбежал к той злополучной развилке, он стоял... Нет, мне только показалось, что он стоял, на самом деле он продолжал бежать. Все произошло слишком быстро, чтобы сказать, был ли его фатальный выбор случайным или же просчитанным заранее.

— Черт его знает,— сказал я.

— Тогда давай рассмотрим оба варианта,— продолжал Шо.— Если он свернул сюда осмысленно, то можно предположить, что здесь у него была назначена встреча с кем-то, нам не известным...

— Стоп,— сказал я.— Если он свернул сюда сам, то он не мог не знать, что другого выхода отсюда нет.

— ...и он рассчитывал, что кто-то неизвестный поможет ему от нас отбиться.

— А вместо этого его разделали, как тушу к празднику. Должен заметить, что тупик в коммуникационных дебрях

вряд ли является самым подходящим местом для встреч. Даже для встреч террористов.

— Допустим, они не хотели, чтобы их видели вместе.

— Аль-Махруд в своем деле не новичок, — заметил я. — А первое, что развивается у парней, занимающихся этим бизнесом, — паранойя. Он никогда не поперся бы на встречу с человеком, представляющим для него угрозу, пусть только потенциальную, без солидной охраны.

— Которую мы положили в ресторане.

— Тем более, — сказал я, — ему не следовало сюда идти.

— Может, он просто не знал местности и бежал единственной известной ему дорогой.

— Все это из области предположений, — сказал я. — Что там насчет второго варианта? Что он ни с кем не договаривался и мы загнали его сюда случайно?

— Есть одна версия. Его хотели убрать...

— Это точно, — усмехнулся я. — Прямо как в том анекдоте. Если бы не хотели — не убрали бы.

— Его хотели убрать, — повторил Шо, пропуская мое ехидство. — И те стрелки, которых мы прихлопнули в «Распутном драконе», целились вовсе не в нас, а в него.

— А остальные работники бригады убийц, — мелодраматично продолжил я, — наблюдая свою полную несостоятельность в прямой перестрелке с доблестными служителями Закона в лице нас с тобой, рассеялись по этому чертовому лабиринту, засев в тупиках в ожидании, пока Аль-Махруд случайно не наткнется на одного из них.

— В ресторане, помимо стрелков, могли быть и другие участники операции, — сказал Шо. — Скажем, не стрелков, а пассивный член отряда, который находился на связи с группой поддержки и направлял ее действия, подсадив на парня жучка и отслеживая все его передвижения.

— Но если так, — предположил я, — то этот твой гипотетический координатор из ресторана мог узнать об этом тупике только *после того*, как Аль-Махруд в него свернул, и, как бы оперативно ребята ни работали, попасть сюда до нас им было бы весьма и весьма затруднительно.

— В группе мог быть интуит, — сказал Шо. Всегда он

умудряется подумать о чем-то важном раньше меня. Наличие в группе интуита снимало половину вопроса. Даже если акция должна была быть проведена в ресторане, убийцы все равно могли привлечь интуита. Профи не оставляют своей жертве ни малейшего шанса.

— Это верно,— сказал я.— Но все равно это чушь свинячья. Даже если бы в группе был десяток интуитов и сотня киллеров, засевших на каждом углу, это все равно не говорит нам о самом главном. Как убийца отсюда ушел?

Мы немного помолчали от безысходности.

Но ваш покорный слуга долго молчать не может.

— Мы задаемся не тем вопросом,— сказал я.— Мы спрашиваем: «как?», хотя гораздо логичнее было бы задаться вопросом: «кто?». Если мы ответим на этот вопрос, нам легче будет понять, «каким образом?». И кому это выгодно?

— Имя им — легион. У террористов много врагов по определению. Для примера можешь взять тот же Моссад.

— Странное совпадение,— сказал я.— Жил он себе, жил, многие за ним охотились, и никто не мог поймать, а убили его аккуратно после того, как мы подобрались к нему вплотную. Напрашивается вывод, что кто-то очень не хотел, чтобы мы пообщались.

Хотя это трудно назвать общением. Сыворотка правды, допрос шестой степени С, почти наверняка — тотальное ментоскопирование как последний вариант. Оно славится тем, что хоть подозреваемый и выкладывает *абсолютно все*, предоставляя необходимые доказательства для последующего судебного процесса, судить уже некого. Процесс летален.

— Средства,— напомнил Шо.

— Забудь о средствах,— сказал я.— Кому это выгодно?

— Кому?

Все-таки он скептик.

— Подумай,— сказал я.— Почему мы охотились за Аль-Махрудом?

— Потому, что он преступник.

— Логично. А почему мы хотели бы видеть его живым?

— Потому, что он мог вывести нас на Гриссома.

— Что и требовалось доказать. Его смерть в первую очередь была выгодна самому Гриссому.

— Но Гриссом не поручает подручным делать грязную работу. У него подручных нет.

— Значит, он был здесь во плоти.

— Если Аль-Махруд был для него опасен, почему он не избавился от него раньше?

— Потому, что Аль-Махруд стал для него опасен только тогда, когда мы на него вышли,— сказал я.— Сегодня.

— И как Гриссом мог об этом узнать?

Потому, что он гвардеец, содрогнулся я, но произнести столь кощунственную мысль вслух не решился.

— Потому, что он психопат. Мало ли чего можно ожидать от психопата.

— Я тоже стану психопатом,— сказал Шо.— Если буду и дальше с тобой это обсуждать. Давай оставим работу экспертам, им тоже надо чем-то заниматься.

— Верно, пусть аналитики поломают свои драгоценные головы,— согласился я.

Но совсем недавно я и сам был аналитиком и потому не думать просто не мог.

И все-таки все логично.

Гриссом — гвардеец, именно так он мог уйти с места преступления перед самым нашим носом.

Хм.

А как он сюда попал? Хотя, если Гриссом гвардеец, вполне могла сработать предложенная Шо версия относительно подсаженного на Аль-Махруда жучка.

Построим модель.

Гриссом подсаживает на Аль-Махруда жучка и отслеживает все его передвижения. В таком случае он без особых проблем может появиться в тупике раньше нас, но после Аль-Махруда, сделать свое дело и уйти. Все, что ему надо,— это точный расчет и малая доля везения.

Подумать только! Гриссом был здесь собственной персоной, во плоти, на расстоянии удара, возможно, даже сидел с нами в ресторане, и мы вполне могли его видеть...

Ерунда.

Гриссом просто не может быть гвардейцем. Этого не может быть, потому что... Этого просто не может быть.

Но несмотря на все попытки их задавить, червячки сомнения продолжали копошиться в самой глубине моей души.

От интеллектуальных терзаний меня избавил патрульный наряд полиции, заявившийся на место пятью минутами раньше названного Шо срока. Двое местных копов во всем великолепии боевого снаряжения выползли из своей развалюхи, явно выдавшей и лучшие времена, и направились к нам.

— Что здесь происходит? — строго спросил один из этих суровых вояк, тщетно пытаясь высвободить табельное оружие из цепкой хватки давно не чищенной брони.

— Уже нигде ничего не происходит, — сказал я.

Похоже, Шо прав. Никого, кроме трупов, здешним копам на месте преступления видеть не доводилось, и, обнаружив живых участников перестрелки, они явно не знали, что с ними следует делать.

— Этот парень — Аль-Махруд, — сказал я. — Думаю, вы знаете, кто он такой, а если не знаете, то справитесь у компьютера в своем участке.

— А сами вы кто такие? — недружелюбно поинтересовался другой вояка.

Куда ни кинь, никто нас не любит.

— Гвардия, — сказал Шо, демонстрируя свой значок.

Потом мы рассказали копам то, что, по нашему мнению, им следовало знать, пресекли шквал бесполезных вопросов относительно того, чего, по нашему же мнению, им знать было совсем не обязательно, оставили свои личные данные и контактные номера, по которым с нами можно будет связаться для уточнения деталей в случае необходимости.

Иными словами, мы произвели необходимый ритуал по спихиванию трупов местным властям и, не теряя больше времени, отбыли домой.

То есть в Штаб-квартиру.

ИНТЕРМЕДИЯ

Историческая справка

О Лиге

К последнему веку докосмической эры или же к первому веку эры космической важнейшей проблемой стало переселение Земли и прочих планет Солнечной системы. Ее решение стало возможным благодаря изобретению гиперпривода Воронина—Дюссендорфа, и человеческая экспансия выплеснулась за пределы обжитой Солнечной системы, словно нагретое шампанское из бутылки.

Были исследованы и выброшены из списков сотни планет с непригодными для жизни условиями. Впрочем, через несколько десятков лет после заселения терраподобных миров эти планеты снова подверглись тщательнейшему исследованию, на этот раз на предмет наличия в почве или на орбите полезных ископаемых, активных элементов или редкоземельных металлов.

Итак, десятки миров были изучены, признаны подходящими для жизни, колонизированы, заселены, и, если вы позволите мне некую вольность, «опромышлены». Слово «индустриализованы» в данном случае подходит лучше, но я — простой оперативник и не люблю длинные слова.

После нескольких веков хаоса, возникшего в результате борьбы за независимость от матери-Земли, которая вовсе не жаждала лишиться своих богатых колоний, планеты объединились в так называемую Лигу Цивилизованных Миров, управляемую Генеральной Ассамблеей, в простонародье — БСВШ (Большой Совет Важных Шишек). Несколько менее индустриализованных (все-таки прорвалось, а?) миров отказались войти в Лигу по соображениям идейным, политическим, экономическим или религиозным. Поскольку неприсоединившиеся планеты большей частью были расположены далеко от центра заселения Галактики, они получили название Пограничных миров, или Окраины.

За Окраиной простирается Неисследованный Космос.

О Магистрах

Одновременно с заселением Галактики и промышленным освоением планет человечество получило некоторые доказательства того, что оно не является единственной разумной расой в данном секторе космоса. Хотя кое-кто из моих высоколобых знакомых готов с пеной у рта оспаривать и факт нашей собственной разумности.

Доказательств было два.

Первым косвенным доказательством были артефакты.

В самых разных уголках Галактики, на планетах с различными климатическими условиями, на дне океанов, на вершинах гор, среди полярных льдов, в пустынях, в поясах астероидов, на лишенных атмосферы спутниках и просто в открытом космосе были обнаружены артефакты, свидетельствующие о существовании некогда весьма могущественной, а ныне бесследно исчезнувшей расы.

В знак высокого уважения к их достижениям мы назвали их Магистрами.

Артефакты были разными. Это было и оборудование, предназначения которого мы не сумели постичь, и предметы искусства с неведомой нам гармонией, и кое-что из вооружения, с которым мы даже не пытались экспериментировать (по крайней мере, открыто), и архивы, лишь частично поддающиеся расшифровке.

Те механизмы, которые мы все-таки заставили заработать, были выполнены на недоступном пока для нас уровне сочетания простоты и функциональности. При этом были задействованы неизвестные нам принципы физики.

Уровень исполнения артефактов ясно давал понять, что Магистры во многом опередили нас, ныне живущих. Артефакты прекрасно сохранились, словно время не было властно над ними, и выглядели так, словно их хозяева просто вышли в коридор перекурить. Однако кое-какие исследования доказывали, что время их создания — тому назад тридцать—сорок миллионов лет плюс погрешность нашего собственного оборудования.

Интересно, если мы сегодня уйдем из Галактики, *что*

наши неведомые потомки найдут после нас хотя бы через один миллион лет?

Информации о Магистрах было мало.

Ее собирали буквально по крупичкам. Отрывки одного архива дополнялись выдержками из другого, что-то анализировалось и сопоставлялось, что-то просто домысливалось, экстраполяции возникали буквально из любого байта информации. В результате ученым удалось-таки составить дочеловеческую историю Галактики, или, как ее еще называют, Историю Магистров.

Многочисленная раса населяла всю Галактику, простирая свое влияние на территории куда большие, нежели те, которыми довольствуется человечество сейчас.

Анализ кое-каких их технологий, признанных самыми отсталыми для самих Магистров, позволил нам значительно усовершенствовать гиперпривод и заставить, наконец, заработать защитные поля Найджелла — Ленца. Благодаря Магистрам мы получили дополнительные источники энергии там, где даже не мечтали их найти. Чего стоят одни только вакуумные энергостанции!

Впрочем, я увлекся. Вернемся к истории.

Магистры, судя по всему, не имели строгой государственной системы управления. Мы точно знаем, что в их обществе видную роль играли ученые. Вполне возможно, что все упиралось именно в них, но были там и поэты, и техники, и пилоты, и рабочие, и те, кого можно приблизительно назвать администраторами. Но вот кого в их обществе не было, так это солдат. В армии Магистры не нуждались: междоусобных войн они не вели, а теории внешнего врага до поры до времени просто не существовало.

Ничего нельзя сказать об их внешнем облике. Найденные нами архивы существовали в виде текстовых сообщений. Набор рисунков, фото, видео и голоматериалов был слишком ограничен и не позволял делать какие-то выводы. Бытовало мнение, что среди Магистров существовало табу на изображение живых существ, как это было, например, у мусульман.

Оборудование было подогнано так, что на нем мог рабо-

тать кто угодно — люди или, например, разумные крокодилы, если бы такие существовали в природе.

Мы даже не могли утверждать, были ли Магистры двуполюсы, однополюсы или делились на классы, подобно земным муравьям или полуразумным обитателям Девелтоса-47. Размер взрослой особи Магистра был одного порядка с размером взрослого мужчины, но никто не знал, были ли они гуманоидами или нет.

Системы измерения Магистров просто ставили нас в тупик.

Спустя несколько десятилетий, потраченных на исследования, ученые сумели более или менее разобраться с их циндалами и рименами, условно подогнав их к нашим метрам и килограммам, однако с измерением времени и летоисчислением вообще все оказалось гораздо сложнее.

Если принять динто за час, а шанто за день, примерно равный нашим стандартным двадцативосьмичасовым суткам, то получается, что жили Магистры по несколько тысяч лет, что уже никого не удивляло, а их межпланетные перелеты отнимали несколько месяцев против наших нескольких дней, и это уже было удивительно. Ведь технологией гиперперехода они владели куда лучше нас. Возможно, это одна из тех загадок, которые человечеству так и не суждено разгадать.

Однажды у Магистров возникла проблема.

Не знавшие войн и крови, ведущие размеренную жизнь, они столкнулись с другой разумной расой, пришедшей в Галактику, расой, настроенной агрессивно. В день их встречи Магистры обрели внешнего врага.

Ситуация потребовала переоценки ценностей, полной и немедленной мобилизации всех сил, срочного изменения в структуре управления государством. Магистры обратились к милитаризации.

Началась война.

Несмотря на то что раньше Магистрам воевать не приходилось и сама концепция насилия представлялась им чуждой, они оказались прекрасно подготовленными к войне. Многие изобретения, ранее использовавшиеся в мирных, за

неимением других, целях, превратились в оружие страшной разрушительной силы. Вся раса встала под ружье.

Хоть Магистры и обладали явным технологическим и численным превосходством, одержать быструю и легкую победу им не удалось. Враг был слишком кровожаден и упорен. Война затянулась на несколько столетий, в нее была вовлечена уже вся Галактика.

Требовалось принципиально новое оружие.

В результате либо самими Магистрами, либо их врагами, так называемой Третьей расой¹, было создано оружие массового поражения, не поддающееся, как выяснилось, контролю даже со стороны создателей, и обе расы исчезли с лица Галактики.

После могущественной цивилизации Магистров нам в наследство остались лишь жалкие обломки.

После их врагов не осталось вообще ничего, кроме упоминания в хрониках военного времени.

О птаврах

Второе доказательство того, что мы не одни во Вселенной, оказалось гораздо более наглядным.

Птавры. Еще одна загадка Вселенной.

С ними мы столкнулись, когда начали вплотную осваивать Пограничные миры.

Птавры бесполоы и не имеют органов воспроизводства. Двух с половиной метров ростом, они покрыты чешуебронею различных оттенков красного цвета. Броня эта покрывает три слоя внутреннего скелета и защищает своего владельца от всех видов холодного и нескольких видов огнестрельного оружия.

Птавры имеют по четыре руки, верхнюю и нижнюю пары, три ноги для пущей устойчивости и хвост, которым весьма

¹ Здесь имеется небольшая хронологическая нестыковка: Первой расой историки назвали Магистров, а Второй — нас, появившихся на сорок миллионов лет позже. Почему враги Магистров получили название Третьей расы — осталось загадкой.

ловко орудуют в рукопашной, прикрепляя к роговым пластинам нечто вроде лишнего рукоятки мачете.

Птавры гораздо сильнее, быстрее и выносливее человека. Их пороговые реакции на порядок превосходят наши. Два больших выпуклых глаза, расположенных по бокам головы, дают прекрасный обзор почти на триста шестьдесят градусов, оставляя лишь небольшую мертвую зону сзади.

Птавры практически бессмертны. Их иммунная система справляется с любыми вирусами, запас внутренней прочности организма немислимо высок, процесса старения у них не происходит, так что они никогда не умирают от естественных причин.

Смерть представителя этой расы может быть только насильственной.

Каждые восемнадцать с половиной стандартных лет, плюс-минус несколько месяцев, у птавров происходит полное обновление клеток мозга, и память о старой личности на чисто стирается. Так что, хотя по нашим подсчетам каждому птавру никак не менее нескольких миллионов лет (три восклицательных знака), никакой информации о прошлом они предоставить не могут. Помнят они только то, что происходило с ними после очередного обновления. Иногда старая личность, перед тем как уступить место новой, оставляет после себя какие-то заметки, но они чаще всего слишком скудны и касаются бытовых мелочей. Птавры не склонны отягощать себя памятью. Процесс, в результате которого они ее теряют, птавры зовут Очищением, и в этом с ними трудно не согласиться.

Имен птавры не используют, только клички на манер индейских: Несущий Погибель, Быстрый-как-смерть, Ищущий-на-границы.

Странно, но, несмотря на свои впечатляющие физические данные, птавры абсолютно неагрессивны. Когда мы на них наткнулись, они вели мирную сельскую жизнь вокруг своих космических кораблей, которые, кстати, были очень похожи на наши собственные корабли, я имею в виду принцип действия, а не внешний вид.

Конфликта у нас с ними не было.